

Двадцать первый поворот

Гатьяна Чеберяк

Татьяна Чеберяк

Двадцать первый поворот

«Автор»

2025

Чеберяк Т. А.

Двадцать первый поворот / Т. А. Чеберяк — «Автор», 2025

Девушка по имени Сания перешла на второй курс. Она встречается с первокурсниками: со своим другом Диасом и его друзьями Камилем и Мансуром. Сания влюбляется в Мансура, но у нее есть жених Азамат. Мансур тоже влюбляется в Санию, но у него есть девушка Лейла. Пара решает сбежать в Москву. Они пересекли границу с Россией и погибают в ДТП.

© Чеберяк Т. А., 2025

© Автор, 2025

Татьяна Чеберяк

Двадцать первый поворот

Вступление

«На автодороге А-310, в районе села Кичигино, Челябинская область, произошло смертельное дорожно-транспортное происшествие. По предварительной информации, в ночное время водитель автомобиля «Лада-Приора» не справился с управлением на затяжном повороте №21. Автомобиль съехал в кювет и совершил несколько переворотов.

В результате аварии пассажир и водитель – граждане Республики Казахстан – скончались на месте от полученных травм до приезда скорой помощи.

Установлены личности погибших:

- Мансур Д., 2000 года рождения, уроженец г. Кызылорда.
- Сания Р., 1999 года рождения, уроженка г. Кызылорда.

По данным следствия, автомобиль числился в угоне по месту жительства погибшего водителя. Молодые люди находились в розыске как без вести пропавшие. Предположительной причиной ДТП является превышение скорости и засыпание за рулём водителя, вызванное крайней усталостью в условиях длительного ночного перегона.

Тела погибших для проведения дальнейших процедур будут переданы казахстанской стороне. По факту ДТП проводится проверка.»

1

Солнце только начинает подниматься над горизонтом, его первые лучи мягко освещают землю, создавая теплое золотистое свечение. Небо постепенно окрашивается в нежные пастельные тона – от светло-розового до нежно-голубого.

В воздухе витает свежесть. Холодный ветер шевелит листья на деревьях, которые уже начинают менять свою окраску – яркие желтые, оранжевые и красные оттенки создают живописный фон.

Девушка по-имени Сания стоит на остановке и ожидает автобуса. Она студентка второго курса Казахского гуманитарно-юридического и технического колледжа. С её длинной косой, заплетенной на темные волосы, играет ветер. Карие, узкие глаза – глубокие и выразительные, часто светящиеся любопытством и жизненной энергией. Сания задумчиво смотрела на восходящее солнце.

– Привет, сестренка, – прервал мысли девушки парень и приобнял её.

Это Диас. Лучший друг Сании. Он в этом году поступил в тот колледж, где учится девушка. На юриста.

Сания обняла своего друга в ответ.

– Как оно? – Спросил Диас.

– Спать хочу, – усмехнулась девушка. – А ты?

– Я в колледж не хочу, – ответил парень и посмотрел на солнце.

Подъехал автобус. Моментально в него залетела толпа студентов. Сания и Диас втиснулись в самый центр этой суматохи, зажатые со всех сторон, но абсолютно невозмутимые.

Они стояли спиной к спине, отработанным движением создав себе небольшой личный мирок. Диас, высокий и крепкий, как шкаф, одной рукой держался за поручень, а другой прикрывал Санию от наиболее активного напора толпы. Девушка ухватила за поручень и наблюдала за видом из окна.

Тем временем воздух гудел от сдержанных разговоров и гула двигателя, пах кофе из термосов и свежей выпечкой из чьих-то сумок.

Неожиданно автобус резко затормозил на светофоре, и вся масса людей дружно качнулась вперед. Диас инстинктивно выставил локоть, смягчив удар для Сании, а та в этот момент успела схватить его за пиджак, чтобы не упасть.

– Всё, с этого момента начинается экзамен по практическому стоянию, – объявила Сания, снова обретая равновесие. – Оценка «отлично», если удержишься и не вступишь никому на ноги.

– Я уже провалил, – вздохнул Диас. – Только что наступил на ногу тому суровому дядьке в кепке. Смотрю в его глаза и вижу бездну разочарования.

– Ничего, скажешь, что это перформанс на тему «Хрупкость человеческих отношений».

Они снова захихикали. Их разговор был быстрым, насыщенным шутками, подкалываниями и внезапными вспышками обсуждения предстоящей пары. Они делились последними новостями и сплетнями, пока автобус медленно полз по загруженным утренним улицам.

Когда автобус, наконец, подкатил к остановке у их колледжа, началась финальная, самая напряженная часть пути – пробиться к выходу.

– Готовься, операция «Высадка в Нормандии»! – скомандовала Сания.

– Я – твой танк, следуй за мной! – Диас уверенно начал расчищать путь, бормоча: «Пропустите, пожалуйста, выходим!»

Выскочив на свежий воздух, они остановились, чтобы перевести дух. Сания поправила сбившийся шарф, Диас встряхнул рюкзак.

– Ну что, живые? – спросил он, улыбаясь.

– Живые, – ответила Сания, с надеждой глядя на здание колледжа.

Ребята, вместе с потоком студентов, направились ко входу в колледж. Толпа тут же разделилась на несколько ручейков, устремляющихся к разным входам здания.

– Ну, мне сюда, – она кивнула на боковой вход, где уже толпились знакомые лица с ее курса. – Классный час у моей группы в кабинете 17.

– Эй, Диас, давай, нас уже ждут на площади! – крикнул товарищ парня, который стоял со своим другом. Он указывал на главную аллею, где собирались первокурсники.

На мгновение Диас оказался на распутье. Он метнул взгляд на удаляющихся друзей, затем на Санию, которая уже стояла полуоборотом, готовая уйти. В ее глазах он прочитал привычную уверенность и легкую улыбку – «иди, у тебя все получится».

– Ладно, – кивнул он, чувствуя странный комок в горле от этой первой самостоятельной развилки. – Еще увидимся.

Она повернулась и пошла к своему входу, не оглядываясь, как и положено опытному студенту, который знает дорогу. Диас посмотрел ей вслед, на ее прямую спину и на длинную косу, а потом развернулся и побежал догонять своих двоих товарищей, крича им вдогонку: «Ребята, стойте!».

Двери колледжа поглотили их обоих, каждого в своем потоке. Сания растворилась в толпе старшекурсников, где ее ждали свои разговоры и заботы. Диас же, догнав друзей, с головой окунулся в шумное водоворот первокурсной жизни. Их дороги на сегодня разошлись, но это было не прощание, а лишь первое из многих предстоящих «до скорого».

Кабинет 17 был залит мягким осенним солнцем, которое заливало парты и выхватывало из общего гула приглушенные, довольные голоса. Здесь не было торжественной суеты линейки – царила атмосфера спокойного «возвращения домой». Студенты второго курса рассаживались поудобнее, группами, обмениваясь летними впечатлениями.

Сания протиснулась к своему привычному месту у окна, где её уже ждали Рухия Рамазанова и Дамеля Керимова.

– Наконец-то! Мы уж думали, тебя твой первокурсник окончательно увёл в свой поток, – подмигнула Дамеля, подвинувшись, чтобы Сания могла сесть.

– Он там уже не один, а с целой компанией, – с притворным вздохом сообщила Сания, скидывая рюкзак. – Два его друга, которых вообще не знаю... Но думаю, что они живут в одном районе с Диасом.

– О, смотри-ка, Диас обзавёлся бандой! – засмеялась Рухия, откладывая телефон. – А они симпатичные?

– Рухия, ты несправима, – фыркнула Дамеля.

Сания смотрела в окно, откуда был виден край главной площади, где, должно быть, сейчас стоял Диас со своими товарищами. Она поймала себя на мысли, что ищет в толпе его высокую фигуру.

– Скучаешь? – тихо спросила Рухия, заметив её взгляд.

– Нет, что ты, – Сания тут же отвернулась от окна, принимая вид собранной отличницы. – Просто интересно, как они там, на линейке.

Классный час начался. Куратор, мужчина лет 50, говорил о планах на год. Но для трех девушек это было не столько официальное мероприятие, сколько долгожданная возможность по-настоящему встретиться. Они перешёптывались, строили планы на обед, обменивались новостями, и в этих тихих разговорах, в общих улыбках ощущалось что-то тёплое и надёжное – ощущение своего круга, своей команды, куда не могла ворваться даже самая шумная энергия первокурсников.

Первая перемена после лета – это всегда маленький хаос. Коридоры колледжа гудели, как встревоженный улей: первокурсники с широко раскрытыми глазами метались в поисках кабинетов, старшекурсники группами стояли у стен, погруженные в свои разговоры. Сания, Рухия и Дамеля вышли из кабинета и, заняв скамейку у огромного окна на втором этаже, с высоты своего положения наблюдали за этой суетой.

– Смотри-ка, наши новобранцы уже освоились, – ухмыльнулась Рухия, кивнув в сторону лестницы.

Оттуда, громко смеясь и явно довольные собой, поднимались Диас и его товарищи. Диас что-то оживленно рассказывал, а его друзья внимательно слушали.

Сания поймала его взгляд и чуть заметно улыбнулась. Парень тут же извинился перед приятелями и направился к ним, к группе «важных» второкурсниц.

– Ну что, как там, на передовой? – первая спросила Дамеля, с интересом оглядывая Диаса. – Линейка прошла без потерь?

– Еле выжили, – с преувеличенной серьезностью ответил Диас, но глаза его смеялись. – Мансур чуть не упал с трибуны, когда ему аплодировали. А Камиль уже успел узнать расписание у самой симпатичной девушки из деканата.

– Герои, – фыркнула Рухия.

Диас перевел взгляд на Санию.

– А у вас что? Классный час прошел нормально?

– Скучно, без тебя, – пошутила Сания, и Диас рассмеялся. Он заметил, как Рухия и Дамеля переглянулись с хитрой улыбкой, и немного смутился.

– Ладно, не задерживаем тебя, – сказала Дамеля, делая вид, что прогоняет его. – Вижу, твоя команда уже скучает без своего лидера.

Диас обернулся и увидел, что Мансур и Камиль, прислонившись к перилам, с преувеличенным интересом наблюдают за их беседой и тихо хихикают.

– Да, пожалуй, побегу. А то эти двое без присмотра ещё что-нибудь устроят, – он улыбнулся Сании. – Увидимся после пар?

– Увидимся, – кивнула она.

Он развернулся и пошел обратно к друзьям. Едва он отошел, как Дамеля тут же толкнула Санию локтем в бок.

– Ну что? Как тебе его друзья? Нравятся?

– Очень, – вздохнула Сания, но взгляд её по-прежнему следил за Диасом, который уже что-то громко доказывал ребятам.

Три подруги стояли у окна, а внизу кипела новая студенческая жизнь, в которой у каждого из них появлялись свои новые роли и новые компании. Но тонкая, невидимая нить между их мирами, только что окрепшая за минуту короткого разговора, была теперь прочнее.

Аудитория. Воздух, обычно наполненный смехом и болтовней, сегодня был напряженным и тихим. Гулниса Буркановна вошла ровно с звонком, и ее появление само по себе вещало о строгости и порядке. Она была одета в элегантный, несмотря на жару, темный костюм, волосы собраны в хвост. В руках она держала не учебник, а небольшой, в темно-синей обложке, экземпляр Конституции Республики Казахстан.

– Здравствуйте, – ее голос был ровным и спокойным, но он мгновенно приковал к себе внимание. – Меня зовут Гулниса Буркановна. Этот предмет – конституционное право – является фундаментом не только вашего юридического образования, но и вашего понимания государства, в котором мы живем.

Она положила основной закон страны на стол и медленно обвела взглядом аудиторию. Взгляд ее был цепким и проницательным.

– Мы находимся в Кызылорде. Городе с богатейшей историей, который помнит караваны Великого Шелкового пути. А сегодня он – часть независимого Казахстана. И главный документ, который определяет его современную жизнь, лежит перед вами.

Гулниса Буркановна открыла Конституцию.

– Первая статья. «Республика Казахстан утверждает себя демократическим, светским, правовым и социальным государством...» – она прочла это не как скучную формулировку, а как свод принципов, на которых стоит их общий дом. – Что для вас, будущих юристов, значит, что Казахстан является правовым государством именно здесь, в вашем родном городе?

В аудитории повисла глубокая тишина. Сания, сидевшая с прямой спиной, чувствовала, как этот вопрос затрагивает что-то глубоко личное. Это был не просто урок, а разговор о том, как высшие законы страны связаны с их повседневной жизнью у берегов Сырдарьи.

– Это значит, что и мэр нашего города, и любой чиновник, должны действовать только так, как разрешено законом, – нашла Сания.

Гулниса Буркановна кивнула, и в уголках ее глаз обозначились легкие морщинки – подобие улыбки.

– Верно. И наша задача – научиться видеть, как эти большие принципы работают в малом. Как права человека, закрепленные в разделе II, защищают каждого жителя нашего региона.

Пара пролетела в интенсивном разборе. Гулниса Буркановна мастерски связывала абстрактные нормы с реалиями, которые были понятны студентам: с земельными вопросами, с правами молодежи, с социальными гарантиями. Она говорила о Конституции не как о чем-то далеком и застывшем, а как о живом организме, чье дыхание чувствуется в каждом решении акимата или в каждом судебном заседании.

Когда прозвенел звонок, Гулниса Буркановна ровно встала.

– На следующем занятии мы подробно разберем, как принцип унитарности и светскости нашего государства определяет единство и согласие в многонациональной Кызылординской области. До свидания.

Она вышла, оставив после себя аудиторию в задумчивом молчании.

– Вот это да, – выдохнула Рухия. – С ней страшно опоздать или не сделать задание.

– Зато интересно, – ответила Сания, с новым чувством глядя на синюю обложку Конституции. Она понимала, что этот предмет станет для нее не просто экзаменом, а ключом к пониманию устройства ее собственной страны, начиная с родного города.

Последний звонок словно дал старт всеобщему движению к выходу. Сания, выйдя из своего кабинета, сразу увидела ту самую «энергичную» компанию. Диас, Мансур и Камиль стояли под огромным кленом у главного входа, громко споря о чем-то.

Диас что-то доказывал, размахивая руками, Мансур скептически хмурился, а Камиль, увидев Санию, первым подал знак.

– О! А вот и наш второй курс! – крикнул он, и все трое обернулись.

Диас заметно оживился, его лицо расплылось в улыбке.

– Идешь на остановку? – спросил он, делая шаг навстречу. – Мы как раз туда.

«Мы» – это слово прозвучало для Сании как приговор тихой, уединенной дороге домой.

Но деваться было некуда.

– Иду, – кивнула она, присоединяясь к группе.

Путь до остановки превратился в живой, шумный поток. Мансур и Камиль наперебой делились впечатлениями от первого дня, перебивая друг друга.

– А помнишь, тот препод с матана? Сказал, что к сессии мы все посеем!

– Да ладно тебе, он просто запугивает! А вот молоденькая англичанка...

Диас шел рядом с Саней, будто пытаясь быть связующим звеном между двумя мирами.

Он то поддерживал шутки друзей, то наклонялся к девушке:

– Извини, они как угорелые. Устала?

– Немного, – отвечала она, но в душе ловила себя на мысли, что в этой бестолковой суете есть что-то заразительное. Сания наблюдала, как Диас, обычно более сдержанный, раскованно смеется и шутит с ними, и это было по-своему мило.

На остановке им пришлось ждать. Камиль тут же организовал «разведку» – высунулся на проезжую часть в поисках их автобуса. Мансур пытался узнать у Сании расписание старших курсов и «советы по выживанию». Диас в этот момент стоял немного в стороне, и Сания заметила, как его улыбка стала немного уставшей, почти такой же, как у неё. Он поймал её взгляд и чуть заметно подмигнул, словно говоря: «Да, я знаю, они сумасшедшие, но ведь весело?».

Когда подошёл их автобус, Камиль громко скомандовал: «Берем плацдарм!», и вся троица ринулась в бой за места. Диас пропустил Санию вперёд, и они уселись на соседние сиденья, в то время как его друзья устроились сзади, продолжая свой бесконечный спор.

Сания смотрела в окно. Было странно и немного непривычно ехать домой в таком шумном сопровождении. Но когда она украдкой взглянула на Диаса, который, откинувшись на спинку сиденья, с закрытыми глазами улыбался их болтовне, она поняла, что, возможно, к этой громкой дружбе можно будет привыкнуть. И даже найти в ней что-то своё.

Камиль, как всегда, говорил без умолку и смешил Диаса какими-то историями с физкультуры. Но Сания почти не слышала его. Она ловила ухом низкий, спокойный голос Мансура. Он отвечал негромко, иногда ворчал на шутки Камиля, и от этого ворчания, такого основательного, у Сании по спине бежали мурашки.

Она сидела неподвижно, боясь пошевелиться, словно любое движение могло разрушить этот хрупкий момент. Она чувствовала его присутствие за спиной почти физически – тепло, исходящее от него, ритм его дыхания, которое она угадывала в паузах между словами.

В какой-то момент Камиль решил подразнить Мансура, хлопнув его по плечу. Сиденье под Саней и Диасом слегка качнулось от их возни.

– Эй, тише там, громокипящие! – обернулся Диас, но в его голосе не было злости, одна лишь усталая улыбка.

Сания невольно обернулась сама. Её взгляд встретился с взглядом Мансура. Он сидел, откинувшись на спинку сиденья, и в его глазах, уставших после долгого дня, читалось спокойное понимание всей этой суматохи. Он извиняюще улыбнулся ей – не широко, как обычно, а чуть смущённо, уголками губ. И этого было достаточно, чтобы сердце Сании ёкнуло и забилось чаще.

– Ничего страшного, – прошептала она, тут же поворачиваясь назад, к окну, и чувствуя, как заливается краской.

Теперь она не просто слышала его, она видела его улыбку. И мир за стеклом – знакомые улицы, огни реклам, силуэты домов – поплыл, потерял чёткость. Всё её существо было сосредоточено на пространстве за её спиной, на расстоянии в несколько сантиметров, которое вдруг стало огромным и значимым.

Когда автобус подъехал к её остановке, она встала, стараясь не смотреть в их сторону.

– Всем пока, – бросила она, обращаясь в пространство.

– Пока, Саня! – крикнул Камиль.

– До завтра, – сказал Диас.

И сквозь общий шум ей почудился низкий, тихий голос Мансура, который тоже сказал: «Пока». Или это ей только показалось? Но этого было достаточно, чтобы вся дорога домой прошла под один и тот же навязчивый вопрос: «Что это со мной происходит?»

Вечерний воздух был прохладным и свежим, но Саня шла по знакомой дороге, как сквозь густой, вязкий туман. Каждый шаг отдавался тяжестью в груди. В ушах стоял призыв низкого голоса Мансура, а в памяти вспыхивала его смущённая улыбка, когда их взгляды встретились в автобусе.

«Что это было?» – этот вопрос жёг изнутри, но теперь к нему прибавился другой, леденящий и острый: «А Азамат?»

Имя жениха упало в сознание, как камень в воду, размывая сладкое и тревожное опьянение. **Азамат.** Человек, с которым всё было ясно, надёжно, предсказуемо. Их семьи дружили, они сами были вместе, кажется, целую вечность. Планы на свадьбу после окончания колледжа, тихая уверенность в завтрашнем дне – всё это в одно мгновение превратилось в тяжёлый, давящий груз.

Она представила его лицо – спокойное, любящее, доверчивое. И почувствовала укол стыда, такого острого, что аж перехватило дыхание. Всего несколько минут глупой симпатии к другому, а ощущение было будто она совершила предательство.

«Это ничего не значит, – пыталась она убедить себя, сжимая ремень рюкзака так, что пальцы задеревенели. – Простая симпатия. Устала за день, голова забита. Всё пройдёт к утру».

Но воспоминание отказывалось уходить. Тот момент в автобусе, когда мир сузился до его взгляда, был слишком ярким, слишком реален. Эта вспышка чего-то нового, запретного, о существовании чего она, казалось, давно забыла.

Она подошла к своему дому и остановилась у подъезда, не в силах заставить себя войти. В окне её комнаты горел свет – мама ждала. Азамат, наверное, вот-вот позвонит, как делал это каждый вечер, чтобы спросить, как её день.

Саня закрыла глаза, прислонившись лбом к прохладному стеклу двери. Внутри неё бушевала война. С одной стороны – тёплый, безопасный берег её сложившейся жизни с Азаматом. С другой – тревожное, бурлящее море новых чувств, в центре которого был улыбающийся незнакомец с усталыми глазами.

И самое страшное было не в том, чтобы выбрать берег или море. Самое страшное было осознать, что она уже сделала шаг в сторону воды, и обратной дороги может не быть.

Вечер в квартире был таким же, как и всегда. Ужин с мамой, которая расспрашивала о первом дне учёбы, запах готовящегося плова, уютный свет абажура над столом. Но Саня была здесь лишь физически. Она механически отвечала на вопросы, улыбалась, кивала, а сама будто находилась за толстым стеклом, сквозь которое доносились лишь приглушённые звуки.

«Он, наверное, позвонит», – эта мысль висела над ней всё время, как дамоклов меч. «Он» – это Азамат. **Её жених.** Человек, чей звонок был привычным ритуалом, утешением в конце дня. Но сегодня мысль о нём заставляла сердце сжиматься от тяжёлого, невыносимого чувства вины.

После ужина она закрылась в своей комнате, обещая маме «повторить материал». Но вместо конспектов она уставилась в тёмный экран телефона. Обычно в это время она уже с нетерпением ждала его звонка. Сейчас же она боялась его. Боялась, что по голосу он сразу поймёт, что что-то не так. Что в её мире появилась трещина.

Она взяла с полки их общую фотографию, сделанную прошлым летом на озере. Они смеялись, им было легко и просто. Она пыталась вызвать в себе то самое чувство – теплое, спокойное, уверенное. Но вместо него накатывало лишь воспоминание о другом взгляде. О низком голосе, доносившемся из глубины автобуса. О широких плечах, заслонивших собой вечернее окно.

«Это просто глупость, – строго сказала она себе вслух, ставя фотографию на место. – Один день, одно впечатление. Всё пройдёт».

Но стоило ей закрыть глаза, как она снова увидела его. *Мансура*. Не «друга Диаса», а человека, который посмотрел на неё так, что всё внутри перевернулось.

Внезапно телефон завибрировал в руке, заставив её вздрогнуть. На экране горело имя «Азамат». Сердце упало куда-то в пятки. Она сделала глубокий вдох, выдох, пытаясь вернуть голосу привычную лёгкость.

– Привет, – прозвучало в трубке его ровный, спокойный голос. – Как твой первый день?

– Всё нормально, – ответила она, и её собственный голос показался ей фальшивым и чужим. – Обычный учебный день.

Она говорила с ним, подбирала слова, смеялась в нужных местах, а сама смотрела в тёмное окно, где отражалось её бледное, напряжённое лицо. Она вела два параллельных разговора: один – с женихом, другой – с самой собой, полный упрёков и смутения.

Когда звонок закончился и в комнате снова воцарилась тишина, Сания почувствовала не облегчение, а лишь оглушительную пустоту. Она легла в кровать, но сон не шёл. Перед глазами проплывали картины дня: строгий взгляд Гулнисы Буркановны, смех подруг, и снова – он. Его улыбка.

Этот вечер стал для неё чертой. По одну сторону осталась вчерашняя Сания, для которой будущее было ясным и прямым путём. По другую сторону начиналась неизвестность, полная сомнений и щемящего, запретного влечения. И тикающие часы на тумбочке отсчитывали время до утра, когда ей снова предстояло сделать выбор – к кому повернуться в переполненном автобусе.

2

Утро Сании началось с тяжёлого, липкого ощущения, будто она не отдыхала вовсе. Первая мысль, пронзившая сознание ещё до звонка будильника, была о нём. О Мансуре. И сразу же, как удар током, – о Азамате. В груди снова сжалось от стыда и смутения.

Она собиралась в колледж с механической точностью, будто выполняя заученный ритуал. Чистка зубов, душ, аккуратная укладка волос – всё это происходило на автопилоте. В зеркале на неё смотрело отражение с тёмными кругами под глазами и беспокойным взглядом. Сегодня она с особой тщательностью выбрала одежду – неброскую, но элегантную. И поймала себя на мысли: «А что, если он заметит?» Эта мысль вызвала новую волну раздражения на саму себя.

За завтраком мама, заметив её молчаливость, спросила:

– Ты как, дочка? Не устала вчера?

– Всё хорошо, мам, – Сания заставила себя улыбнуться. – Просто первый день, непривычно ещё.

По дороге к автобусной остановке она пыталась настроиться на учебный лад, повторяя в голове тезисы вчерашней пары у Гулнисы Буркановны. Но конституционные принципы смешивались с воспоминанием о низком голосе и смущённой улыбке.

Когда подошёл автобус, сердце её ёкнуло. Она замерла на ступеньках, на мгновение заглянув внутрь салона, стараясь сквозь толпу разглядеть знакомые лица. Страх и надежда странным образом переплелись в одном чувстве.

Это утро было другим. Оно было наполнено не просто предвкушением нового дня, а тревожным, щемящим ожиданием встречи, которая могла всё перевернуть – или ничего не изменить. И от этой неопределенности воздух казался гуще, а звуки города – приглушёнными.

Автобус, подъехавший к остановке, был битком набит. Сквозь запотевшее стекло Сания с трудом разглядела знакомые лица.

Когда двери со скрипом открылись, её встретил гвалт. Камиль, протиснувшись вперёд, уже вовсю орал что-то Диасу, который пытался пробиться к выходу, чтобы уступить ей место. А чуть поодаль, у самого окна, стоял Мансур. Он держался за верхний поручень, и в его позе была всё та же спокойная уверенность. Увидев Санию, он не закричал, как Камиль, а лишь слегка отодвинулся, освобождая крохотный кусочек пространства рядом с собой.

– Проходи, Сания, здесь есть немного места, – сказал Мансур, но её ноги будто сами понесли её туда, в тот узкий зазор между сиденьем и его высокой фигурой.

Она втиснулась, повернувшись к нему почти спиной. Теперь она чувствовала его совсем близко. Тепло его тела, запах чистого мужского парфюма, смешанный с лёгким ароматом свежести после утра. Каждый толчок автобуса отзывался лёгким, почти невесомым прикосновением его куртки к её плечу. От этого по спине бежали мурашки.

– Вчерашняя пара по истории – это что-то, да? – продолжал орать Камиль через всё скопление людей, обращаясь ко всем сразу.

– Ага, – будто из другого измерения, отозвался Диас.

Сания молчала. Она смотрела в запотевшее стекло, но видела не улицы, а смутное отражение Мансура за своей спиной. Он тоже не участвовал в шумном разговоре. Она чувствовала его молчаливую поддержку, его локоть, который незримо ограждал её от давки. Это было одновременно и мучительно, и блаженно.

Внезапно автобус резко затормозил. Сания не удержала равновесие и инстинктивно шагнула назад, прямо на него. Его рука легонько, почти незаметно, коснулась её локтя, чтобы помочь устоять.

– Всё в порядке? – тихо спросил он, наклонившись так, что его слова прозвучали прямо у её уха. Его голос был глухим от общего шума, но для неё он прозвучал громче любого крика Камиля.

Сания лишь кивнула, не в силах вымолвить и слова. Ещё бы секунда – и она, кажется, провалилась бы в это ощущение безопасности, которое исходило от него.

Когда они подъезжали к колледжу, и толпа начала шевелиться, готовясь к высадке, Мансур снова пропустил её вперёд.

– Аккуратнее, – сказал он просто, и в его глазах мелькнула та самая улыбка, которая не сходила у неё с мыслей весь вечер.

И когда она вышла на прохладный воздух, подставив лицо ветру, чтобы остудить пылающие щёки, она поняла, что этот день будет ещё сложнее, чем предыдущий. Потому что теперь она знала – его молчаливое присутствие гораздо опаснее любых слов.

Учебный день Сании прошёл под знаком одного имени, которое звенело в её сознании громче любого звонка с пары. Она сидела на лекциях, открывала конспекты, слушала преподавателей, но всё это было словно сквозь лёгкую, но непреодолимую пелену.

Первая пара. Конституционное право у Гулнисы Буркановны.

Обычно её любимый предмет требовал полной сосредоточенности. Сегодня же Сания ловила себя на том, что вместо схем государственного устройства она машинально выводит на полях тетради букву «М». Гулниса Буркановна задала ей прямой вопрос о принципе разделения властей. Сания смогла дать чёткий, заученный ответ, но внутри похолодела от осозна-

ния, что не помнит ни единого своего слова. Её разум был где-то в другом месте – в шумном автобусе, где его низкий голос прозвучал так близко.

Предмет назывался «Судоустройство и правоохранительные органы».

В класс вошла женщина с видом, не терпящим возражений. Шамсия Мархабатовна. Её возраст было трудно определить – на лице лежала печать опыта и суровой компетентности, а взгляд за очками в тонкой оправе был острым, как скальпель.

– Суд – это не здание с колоннами, – начала она без преамбул, обводя аудиторию леденящим душу взглядом. – Это механизм. Механизм отправления правосудия. Ваша задача – понять каждую шестерёнку этого механизма. Без сантиментов.

Сания, обычно собранная на таких предметах, с трудом возвращала себя в реальность. Мысли о Мансуре, как навязчивая мелодия, продолжали звучать в голове. Но голос Шамсии Мархабатовны был способен пробить любую пелену.

– Гражданка Рымбаева, – раздалось над самым ухом Сании, заставив её вздрогнуть. Преподавательница неожиданно оказалась рядом с её партой. – Перечислите по порядку суды общей юрисдикции в Республике Казахстан, начиная с низшего звена.

В аудитории повисла звенящая тишина. Сания почувствовала, как кровь отливает от лица. Она знала это. Она точно знала! Но от волнения и рассеянности мысли спутались.

– Районный суд... затем... областной... – она запнулась, чувствуя на себе тяжёлый взгляд преподавательницы.

– Затем апелляционная инстанция, и Верховный Суд, – холодно закончила за неё Шамсия Мархабатовна. – Вам, гражданка, следует меньше витать в облаках и больше – в текстах процессуальных кодексов. Садитесь.

Это был публичный укор, тихий и оттого ещё более унижительный. Рухия с сочувствием толкнула её под столом коленом. Жарко покраснев, Сания уткнулась в конспект. Стыд от собственной несостоятельности наложился на её внутреннее смятение, создавая гремучую смесь. Суровость Шамсии Мархабатовны была как ушат ледяной воды – неприятно, но отрезвляюще.

Обеденный перерыв.

Они столкнулись нос к носу в столовой. Буквально. Сания, выходя из очереди с подносом, не глядя повернулась и едва не столкнулась с кем-то твёрдым и высоким.

– Осторожнее, – раздался над её головой знакомый низкий голос.

Она подняла глаза и увидела Мансура. Он держал свой поднос и смотрел на неё с лёгкой, смущённой улыбкой.

– Прости, – выдохнула Сания, чувствуя, как горит всё её лицо.

– Пустяки, – кивнул он и прошёл дальше, к столу, где его уже ждали Диас и Камиль.

Этот трёхсекундный диалог стал главным событием её дня. Она села с подругами, но вся её сущность была прикована к тому столу. Она слышала обрывки их смеха, его спокойный басок. Каждый кусок еды казался ей безвкусным.

Девушка совершенно не реагировала на оживлённый спор Рухии и Дамели о преподавательнице судоустройства.

Рухия, отложив вилку, пристально посмотрела на подругу.

– Сания, с тобой всё в порядке? Ты на своей планете сегодня.

– Да, – флегматично протянула Дамеля, подперев подбородок. – На паре у Шамсии Мархабатовны тебя чуть в окно не унесло. А сейчас ты вообще от нас мысленно где-то далеко. Уже который день.

Сания вздрогнула, будто её поймали на месте преступления. Она заставила себя улыбнуться, но улыбка вышла натянутой.

– Да просто... не выспалась. Конституционное право повторяла до поздна.

– Брось, – фыркнула Рухия, не отводя пронизательного взгляда. – Мы тебя знаем сколько лет? На тебя «не выпалась» не похоже. Ты когда не высыпаешься, ты злая, как фурия. А сейчас ты какая-то... тихая. Задумчивая.

Дамеля, чьи глаза всегда замечали больше всех, хитрено сузилась.

– Подожди-ка. Это не имеет ли отношения к определённой группе шумных первокурсников, с которыми мы постоянно сталкиваемся? А точнее, к одному конкретному, самому высокому и молчаливому?

Сания почувствовала, как по её щекам разливается предательский румянец. Она потянулась за стаканом воды, чтобы скрыть смущение.

– Не придумывай ерунды. Просто устала.

– Ага, «устала», – протянула Дамеля, обменявшись с Рухией многозначительным взглядом. – От чего это ты так внезапно «устала» именно в те моменты, когда рядом появляется Мансур?

Рухия присвистнула.

– Вот как! Ну, конечно! Теперь всё сходится. И в автобусе ты вчера вся извертелась, когда он рядом встал. И сегодня, когда он мимо проходил, ты ложку мимо рта пронесла.

Сания понимала, что отпираться бесполезно. Подруги знали её слишком хорошо. Она сдалась, опустив плечи.

– Ладно. Есть кое-что. Но это так... глупо. И ничего не значит.

– Всё, – с торжеством сказала Дамеля. – Рассказывай. И не вздумай ничего пропускать.

И под пристальными, но полными участия взглядами подруг Сания поняла, что держать всё в себе больше нет сил. Возможно, их совет станет тем самым якорем, который поможет ей справиться с этим внезапным и таким сбивающим с толку штормом.

Сания замолчала, сжимая в пальцах край салфетки. Признаться вслух было невероятно сложно, словно эти слова имели вес и материальность. Она боялась, что, произнеся их, она сделает свои чувства слишком реальными.

– Ладно, – она выдохнула, не глядя на подруг. – Вы правы. Дело... в Мансуре.

Произнеся это имя, она почувствовала одновременно и облегчение, и новый приступ паники. Рухия и Дамеля замерли, не перебивая.

– Я сама не понимаю, что происходит, – тихо начала Сания, глядя на свой недоеденный плов. – Это случилось внезапно. В автобусе. Я просто... увидела его. Не как «одного из тех парней», а как... человека. Он такой спокойный, основательный. И взгляд у него... усталый и добрый одновременно.

Она рассказала им про тот момент, когда их взгляды встретились в отражении окна, про его смущённую улыбку, про то, как он её поддержал в толчее.

– Это просто какая-то химия, глупость! – с жаром закончила она, наконец подняв на подруг умоляющий взгляд. – Мы же даже нормально не общались. Я знаю о нём только то, что он друг Диаса и громко смеётся. Это же ненормально?

Рухия первая нарушила молчание. Её взгляд был серьёзным.

– Ненормально? Нет. Непредсказуемо – да. Но чувства редко спрашивают наше разрешение, Сань.

– А Азамат? – мягко, но прямо спросила Дамеля.

Имя жениха повисло в воздухе, как приговор. Сания сгорбилась, словно от физической боли.

– Я знаю. Это самое ужасное. Я чувствую себя ужасно. Я думаю о другом, а у меня есть он. Он звонит, а я... я притворяюсь. И ненавижу себя за это.

– Слушай, – Рухия положила руку на её ладонь. – Ты ничего не сделала. Никого не обманула. Ты просто почувствовала что-то. С этим теперь нужно разбираться.

– Но как? – с отчаянием прошептала Сания.

– Для начала, – вступила Дамеля, её глаза блеснули от азарта следствия. – Нужно понять, что это – мимолётный порыв или что-то большее. А для этого с Мансуром нужно... знаешь, поговорить. Не как «подруга Диаса», а как Сания.

– Я не смогу! – Сания с ужасом посмотрела на неё.

– Сможешь, – уверенно сказала Рухия. – Но не спеши. Понаблюдай. Приглядись к нему. А мы будем на подхвате.

Сания сидела, слушая их, и внутри всё понемногу успокаивалось. Груз одиночества стал легче. Её чувства не перестали быть сложными и пугающими, но теперь у неё было два надёжных берега, за которые можно было держаться. И это придавало хоть какую-то опору в бушующем море смятения.

Вечерний автобус, как и всегда, был наполнен усталым гулом. Но сегодня атмосфера в их маленькой компании была иной. Сания, получившая днём поддержку от подруг, чувствовала себя немного спокойнее. Она даже смогла непринуждённо посмеяться над шуткой Камиля, хотя её взгляд всё так же невольно искал Мансура. Он стоял чуть поодаль, погружённый в свои мысли, и эта его отстранённость снова заставляла её сердце биться чаще.

Когда автобус подъехал к их остановке, началась привычная суета – толкотня, прощания. Мансур и Камиль, попрощавшись, направились в свою сторону. Сания уже сделала несколько шагов к дому, как вдруг услышала за спиной шаги и голос Диаса.

– Сания, подожди немного. Пройдёмся?

Она обернулась. Диас стоял с немного серьёзным, необычным для него выражением лица. В его глазах читалась не просто усталость, а какая-то озабоченность.

– Конечно, – кивнула Сания, насторожившись. – Что-то случилось?

Они свернули с шумной улицы в тихий двор, где вечерние тени уже легли на асфальт. Несколько секунд они шли молча. Диас, обычно такой болтливый, явно подбирал слова.

– Знаешь, я сегодня кое-что заметил, – наконец начал он, глядя себе под ноги. – Вернее, нечто заметил вчера и сегодня. Камиль, конечно, трепло, но он не всегда бывает неправ.

Сания почувствовала, как у неё похолодели пальцы. Она молчала, давая ему продолжить.

– Он говорит, что ты как-то... странно стала на Мансура смотреть. – Диас произнёс это не как обвинение, а скорее с лёгким недоумением. – И я, честно говоря, тоже это вижу.

Сания закрыла глаза на секунду. Тайное стало явным гораздо быстрее, чем она ожидала.

– Диас, я... – она не знала, что сказать.

– Эй, эй, я не со скандалом, – он мягко толкнул её плечо, пытаясь снять напряжение. – Просто... мы же друзья. И он мой друг. И всё это... немного сложно.

Он остановился и посмотрел на неё прямо.

– Сания, у тебя же есть Азамат. Всё серьёзно. А Мансур... он парень хороший, но... – Диас развёл руками, не в силах подобрать нужные слова. – Я просто не хочу, чтобы кто-то пострадал. Особенно вы оба.

В его словах не было упрёка, только искренняя забота. И от этого на глаза Сании навернулись предательские слёзы. Всё, что она держала в себе, всё смятение и чувство вины, вырвалось наружу.

– Я знаю, Диас, – прошептала она, глядя в сторону. – Я сама не понимаю, что происходит. Это ужасно, и я не знаю, что делать.

Диас вздохнул и положил руку ей на плечо.

– Ничего не делай сгоряча. Подумай. Серьёзно подумай. А я... я буду рядом, что бы ты ни решила. Просто будь осторожна, ладно?

Они дошли до её подъезда. Эта прогулка не дала ей ответов, но подарила нечто не менее важное – понимание, что в этом хаосе у неё есть друг, который не осуждает, а поддерживает. И это было бесценно.

Комната была погружена в сумерки, когда в дверь постучали. Тихо, но настойчиво. Сания, всё ещё лежавшая лицом в подушке, вздрогнула. Сердце заколотилось с новой силой – оно словно предчувствовало беду.

– Сания, ты дома? – раздался за дверью голос, от которого у неё перехватило дыхание. Азамат.

Она металась между желанием спрятаться и пониманием, что избежать разговора бесполезно. Слишком много пропущенных звонков. Слишком много тревоги в его голосе.

Медленно, на ватных ногах, она подошла к двери и открыла её.

Азамат стоял на пороге с лицом, изборождённым морщинами беспокойства. В руках он сжимал телефон.

– Ты не брала трубку. Я испугался, – его взгляд скользнул по её лицу, по заплаканным глазам и распухшим векам. Вся тревога в его глазах сменилась мгновенным шоком, а затем – острой болью. – Сания... что случилось?

Он шагнул вперёд, забыв закрыть за собой дверь. Его руки потянулись к ней, но замерли в воздухе, будто он боялся сделать больно.

Сания не могла выдержать его взгляда. Она отвела глаза, чувствуя, как по щекам текут предательские слёзы. Все слова, все попытки оправдаться застряли комом в горле. Как она могла сказать ему? Как могла признаться, что причиной её слёз стал другой?

– Произошло что-то в колледже? – настойчиво, но мягко спросил он, осторожно касаясь её плеча. – С кем-то поссорилась? С преподавателем?

Она лишь молча покачала головой, сжимая пальцы в кулаки. Каждая секунда его заботы была пыткой. Его доброта обжигала сильнее любого гнева.

– Сания, поговори со мной, – его голос дрогнул. – Я вижу, что тебе больно. Дай мне помочь. Я твой жених. Я люблю тебя.

Эти слова стали последней каплей. Она подняла на него заплаканные глаза, и правда, уродливая и неизбежная, сорвалась с её губ шепотом:

– Всё не так, Азамат... Всё гораздо хуже. И виновата в этом только я.

Сания резко отвернулась, пряча лицо в тени прихожей. Его слова «Я люблю тебя» прозвучали как приговор. Мысль о том, чтобы рассказать ему о Мансуре, показалась ей невыносимой, чудовищной. Это ранило бы его слишком сильно, разрушило всё, что было между ними. Ложь во спасение казалась единственным выходом.

Она быстро провела рукой по глазам, смахивая слёзы, и сделала глубокий вдох, пытаясь вернуть голосу хоть какую-то твёрдость.

– Всё нормально, Азамат, правда, – она заставила себя обернуться к нему, пытаясь изобразить на лице усталую улыбку. – Просто... ужасно устала.

Она повела его на кухню, стараясь говорить быстро и немного сумбурно, чтобы создать видимость искренности:

– Шамсия Мархабатовна – это же просто кошмар! Завалила нас сложнейшими вопросами, а я ничего не успеваю... И Рухия с Дамелей вечно подшучивают... В общем, накопилось.

Она налила ему чаю дрожащими руками, надеясь, что он не заметит её нервозность. Внутри всё кричало от стыда. Она лгала ему прямо в глаза, пряча свою боль и свою вину за ширму мелких бытовых проблем.

Главное – не встречаться с ним взглядом. Главное – говорить, говорить без умолку, чтобы у него не осталось времени на вопросы. Чтобы он не увидел в её глазах отражение другого человека.

Вечерний разговор Сании и Азамата, который должен был быть лёгким и бытовым, с самого начала пошёл не по плану. Азамат, обычно спокойный и улыбчивый, сегодня был настойчив.

– Как дела у тебя? – спросил он, отодвигая тарелку с печеньем.

Вопрос был простым, но Сания почувствовала, как подступает паника. Любой разговор об учёбе мог нечаянно завести туда, куда ей не хотелось.

– Да ничего особенного, – она сделала глоток чая, чтобы выиграть время. – Учусь. А у тебя как на работе? Ты в прошлый раз рассказывал про нового клиента, того, который вечно всё меняет. Чем всё закончилось?

Она надеялась, что вопрос о работе отвлечёт его. Азамат на секунду задумался.

– Закончилось тем, что пришлось переделывать проект с нуля. Но ты не переводы тему. Про колледж. Тебе вроде нравится конституционное право. Как тебе преподаватель?

Сания почувствовала, как по спине побежали мурашки. Она не хотела вспоминать ни о Гулнисе Буркановне, ни, тем более, о том, что происходило у неё в голове на этих парах.

– Строгая, – коротко бросила она. – Знаешь, мама вчера такой вкусный бешбармак приготовила! Жалко, тебя не было. Говорила, что в следующий раз обязательно тебя позовёт.

Она улыбнулась, пытаясь придать разговору лёгкость. Азамат посмотрел на неё внимательно.

– Бешбармак – это хорошо. Но мне интереснее, что происходит с тобой. Ты в последнее время какая-то... отстранённая. Как будто не здесь.

– Просто устаю, – Сания пожала плечами, глядя в окно. – Конца учебного года не видно. А ты не хочешь в кино на выходных? Говорят, тот новый фильм, про космос, очень хороший.

Азамат откинулся на спинку стула. В его глазах читалась не столько обида, сколько лёгкая грусть и понимание.

– Сания, – сказал он мягко. – Мы же всегда могли говорить обо всём. Даже о самом сложном. А сейчас ты пытаешься говорить со мной о бешбармаке и кино. Что случилось? Я чувствую, что ты отдаляешься.

Его слова повисли в воздухе. Сания понимала, что её тактика не сработала. Он видел её насквозь, как всегда. Оставалось либо признаваться, либо продолжать прятаться, и второе становилось всё труднее с каждой секундой.

Вечер в доме Мансура был шумным и по-своему уютным. Пахло жареным мясом и свежим хлебом – мама как раз закончила готовить ужин. Мансур помогал накрывать на стол, ловко расставляя тарелки под одобрительные взгляды младшей сестрёнки, которая крутилась под ногами.

За ужином он рассеянно слушал рассказы отца о работе, изредка вставляя замечания. Мысли его были далеко – он перебирал в памяти события дня. Утренняя линейка, шумные коридоры, смех Камиля и спокойные шутки Диаса. И конечно, она. Сания.

Он заметил, как она на него смотрела. В автобусе, в столовой. В её взгляде было что-то новое, не просто дружелюбный интерес, а какая-то застенчивая глубина. Это заставляло его внутренне смущаться и в то же время – странно гордиться. Сания была не такая, как другие девушки в колледже. Умная, собранная, с ясным и спокойным взглядом. На второго курса, для него, первокурсника, это казалось небольшой, но приятной тайной.

После ужина он ушёл в свою комнату, сказав, что нужно повторить уроки. Притворялся. Включил компьютер, но вместо конспектов открыл социальные сети. Пролистал ленту, задержался на её странице. На аватаре Сания была снята с подругами, смеющаяся. Он улыбнулся.

Потом его взгляд упал на рамочку на полке. В ней – фотография с другой девушкой. С Лейлой. Они были вместе ещё со школы, и их отношения были тихой, прочной гаванью. Лейла училась в другом городе, они виделись редко, но их связь была для него чем-то неизменным, как фундамент.

Мысленно он сравнил их. Лейла – это тепло, привычка, уверенность. Сания... Сания была словно свежим ветром, лёгким головокружением, внезапной и тревожной искрой.

Он отогнал эти мысли, почувствовав лёгкий укор совести. Закрыв вкладку с её профилем. «Ерунда, – сказал он себе строго. – Просто симпатия. Ничего больше».

Он взял учебник по истории и попытался сосредоточиться на датах и событиях. Но перед сном, уже лёжа в кровати, он снова представил её лицо. Её смущённую улыбку. И на душе стало как-то одновременно тепло и тревожно. Он не знал, что в эту самую минуту из-за него плачет девушка, о чувствах которой он мог только догадываться. Его вечер был спокойным, а её – разрушительным. И он даже не подозревал, что стал причиной бури в чужой, но уже не чужой для него, жизни.

3

Сание приснился странный, рваный сон. Она бежала по бесконечному школьному коридору, а с противоположного конца навстречу ей шли Азамат и Мансур. Они разговаривали и смеялись, совершенно не замечая её. Она кричала, но звук застревал в горле. Чем ближе они подходили, тем больше стирались их черты, сливаясь в одно безликое пятно. Отчаянное чувство потери заставило её проснуться.

Комната была погружена в предрассветную тьму, тишину нарушало лишь тяжёлое, прерывистое дыхание. Сердце колотилось, как птица в клетке. Ощущение пустоты и тоски, пришедшее из сна, было таким острым и реальным, что сдавило грудь. Она включила свет на тумбочке – было три часа ночи. Мир спал, а её мысли громко кричали.

Она взяла телефон. Палец сам потянулся к знакомому номеру. Старое, выстраданное доверие оказалось сильнее гордости и стыда. Она понимала, что это эгоистично, что он, возможно, не хочет её слышать. Но не позвонить сейчас казалось невозможным.

Гудки казались бесконечно долгими. Она уже готовилась положить трубку, когда на том конце послышался сонный, хриплый голос:

– Алло?.. Сания? – В его интонации не было злости, лишь усталое недоумение и тревога. – Что случилось? Ты в порядке?

Эти простые слова, полные заботы, несмотря ни на что, сломали её. Слёзы хлынули с новой силой.

– Мне... мне так плохо, – выдохнула она, с трудом выдавливая из себя слова. – Мне приснилось... что я тебя потеряла. По-настоящему.

Она не говорила о Мансуре. Она говорила о нём. О их общем прошлом, о той боли, которую причинила.

На другом конце провода повисла тишина. Потом он тихо вздохнул.

– Я здесь. Всё нормально. Это просто сон.

Но они оба знали, что это был не просто сон. Это было отражение их реальности. И его тихий, прощающий голос в предрассветной тишине был одновременно и утешением, и самым горьким упрёком.

Азамат слушал её прерывистое дыхание в трубку, и вся его обида медленно таяла, сменяясь старой, привычной тревогой за неё. Он слышал, как она пытается сдержать рыдания, и его сердце сжималось.

– Тихо, всё хорошо, – его голос был низким и успокаивающим, каким он бывал, когда она в детстве пугалась грозы. – Я же здесь. Дыши глубже. Слышишь меня?

Сания кивала, забыв, что он не видит этого, и сжала телефон так, что костяшки пальцев побелели. Его спокойствие было одновременно спасением и пыткой. Она получила тихую, терпеливую заботу, которая заставляла чувствовать себя ещё виноватее.

– Сейчас нужно успокоиться и постараться уснуть.

Он стал говорить о чём-то простом и отвлечённом. О том, как его младший племянник учился кататься на велосипеде, о смешном случае на работе. Его монотонный, тёплый голос

заполнял пустоту в её комнате и в душе. Сания слушала, уткнувшись лицом в подушку, и слёзы понемногу высыхали. Но расслабление не приходило.

Когда он замолчал, в трубке повисло лёгкое потрескивание.

– Спишь? – тихо спросил Азамат.

– Нет, – так же тихо ответила она. Глаза горели, а тело было напряжено, как струна. Приступ паники прошёл, но его сменила ясная, холодная бессонница. Теперь она осталась наедине с тишиной и с чувством, что какой-то важный разговор был отложен, но не закончен.

– Попробуй просто полежать с закрытыми глазами, – предложил он. – Я побуду на связи.

Она положила телефон на подушку рядом с собой. Слышно было его ровное дыхание. Он не вешал трубку. Это была та самая привычная близость, которая сейчас казалась и раной, и бальзамом одновременно.

Но сон не шёл. Она ворочалась, глядя в потолок, который постепенно светлел. Азамат успокоил её истерику, но не смог подарить забвение. Самая трудная часть – остаться наедине с собой и своими мыслями – только начиналась. А за окном уже занимался новый день, несущий с собой необходимость как-то жить с этой болью.

День выдался на удивление солнечным, и компания расположилась на скамейке у колледжа в ожидании первой пары. Сания, сидя рядом с Диасом, старалась сохранять спокойствие, но каждый взгляд на Мансура, который мирно слушал разглагольствования Камиля, отзывался в ней тихим эхом.

Разговор тек неспешно, пока Камиль не решил подколоть Мансура.

– Мансур, а когда твоя Лейла к нам пожалует? А то ты как монах записной стал, всё по библиотекам шляешься.

Сердце Сании замерло. Всё внутри натянулось, как струна. Она невольно уставилась на Мансура, боясь пропустить любое его слово.

Мансур смущённо хмыкнул и отмахнулся, но в его глазах вспыхнула тёплая, светлая улыбка, какой Сания у него ещё не видела.

– На выходных, может, приедет.

В его голосе звучала такая нежность и такая уверенность, что у Сании перехватило дыхание. Это было не просто «есть девушка». Это было «есть Лейла». Имя прозвучало как приговор.

– О, значит, гулять будем! – обрадовался Камиль. – Только предупреди её, что я буду за тобой внимательно следить!

Все засмеялись, кроме Сании. Она сидела, стараясь не двигаться, чувствуя, как по её лицу расплзается ледяная маска. Она смотрела в пространство перед собой, но не видела ни скамейки, ни деревьев. Она видела лишь крах всех своих тайных надежд, которые теперь казались такими наивными и жалкими.

Диас, сидевший рядом, украдкой посмотрел на неё. Он всё понял по её одеревеневшей позе и абсолютно пустому взгляду. Он тихо вздохнул.

Сания не слышала, о чём они говорили дальше. Звонок на пару прозвучал для нее как спасительный гонг. Она поднялась первой, бормоча что-то о том, что нужно зайти в библиотеку, и ушла, не оглядываясь.

Ей нужно было остаться одной. Одна, чтобы её лицо наконец исказила не сдерживаемая больше гримаса боли, и чтобы тихие, горькие слёзы стекали по щекам, смывая последние остатки иллюзий.

Аудитория по «Основам финансовой грамотности» была светлой и современной, но для Сании она казалась душной и тесной. Она сидела, уставившись в яркие слайды на экране, где Каусар Ораловна, энергичная женщина в деловом костюме, объясняла разницу между дебетовой и кредитной картой. Слова «процентная ставка», «депозит» и «кредитная история» пролетали мимо её сознания, как чужие птицы.

Внутри всё было наполнено одним – обжигающим стыдом и болью. Фраза Мансура: «На выходных, может, приедет» – крутилась в голове на повторе, вытесняя любые мысли о финансовом планировании. Она чувствовала, как ком подкатывает к горлу, а глаза наполняются предательской влагой.

«Только бы не здесь, – отчаянно думала она, сжимая ручку. – У Каусар Ораловны такие зоркие глаза...»

Преподавательница, как будто почувствовав её состояние, внезапно обвела взглядом аудиторию и остановила его на Сании.

– Молодая женщина в синем, – голос Каусар Ораловны был чётким и внимательным. – Объясните, пожалуйста, как правильно диверсифицировать личные инвестиции, чтобы минимизировать риски?

В аудитории наступила тишина. Сания медленно поднялась. Её колени дрожали. Она смотрела на графики на экране, но видела лишь смутные цветные пятна. Её разум был пуст. Она слышала, как Рухия шепчет что-то подсказывающее, но не могла разобрать слов.

Я... – её голос дрогнул. – Диверсификация... это...

Она не смогла продолжить. Она просто стояла, чувствуя, как по её щекам катятся две крупные, горячие слезы. Они были тихими, но в гробовой тишине аудитории их падение на поверхность парты показалось ей оглушительно громким.

Каусар Ораловна смотрела на неё не с гневом, а с неожиданным пониманием. Она не стала делать замечания.

– Вижу, вопрос вызвал затруднение. Садитесь, – сказала она мягче. – Коллега, можете? – и перевела вопрос на другую студентку.

Сания опустилась на стул, стора от стыда. Она уткнулась взглядом в тетрадь, стараясь сделать вид, что конспектирует, но на самом деле просто пряча мокрое от слёз лицо. Финансовая грамотность, риски и инвестиции – всё это казалось сейчас такой далёкой и неважной ерундой по сравнению с трещиной, которая прошла по её собственному сердцу и которую никакой диверсификацией не исправить.

Перемена после пары казалась Сании спасением. Она надеялась, что суета коридоров, смех однокурсников и чашка горячего чая помогут отвлечься. Она даже собралась с духом и направилась к своей компании, которая, как обычно, собралась у большого окна.

Диас, Камиль и Мансур о чём-то оживлённо разговаривали. Сания сделала несколько шагов в их сторону, стараясь придать лицу нейтральное выражение. И в этот момент Камиль, вечный заводила, громко сказал:

– Ладно, ладно, хвастаться своей Лейлой будешь потом! Покажи-ка нам свежее фото, а то мы уже забыли, как она выглядит!

Мансур смущённо усмехнулся, но в его глазах вспыхнула та самая тёплая искорка, которую Сания уже видела раньше. Он достал телефон, разблокировал его и протянул Камиле.

И Сания, оказавшись в нескольких шагах от них, увидела это. На ярком экране была фотография. Мансур и девушка. Она была темноволосой, с открытой улыбкой и счастливыми глазами. Они стояли обнявшись, и было видно, насколько они гармонируют друг с другом.

Для Сании это стало не просто подтверждением слов, а физическим ударом. Фотография сделала Лейлу реальной. Не абстрактным «есть девушка», а живым, любящим человеком, чьё изображение он бережно хранил на самом видном месте.

Она замерла на месте, не в силах сделать ни шагу вперёд, ни развернуться и уйти. Вся её воля ушла на то, чтобы просто оставаться на ногах. Казалось, весь шум коридора стих, и мир сузился до этого маленького экрана и счастливых лиц на нём.

Диас, заметив её бледное, окаменевшее лицо, бросил на Мансура предупредительный взгляд и быстро сунул его локтем в бок. Мансур, удивлённый, поднял глаза и встретился взглядом с Санисей. На его лице мелькнуло замешательство, и он поспешно убрал телефон.

Но было поздно. Картинка уже врезалась в память Сании, жгучим клеймом лёгшая на сердце. Она резко развернулась и, не говоря ни слова, пошла прочь, сама не зная куда. Ей нужно было убежать. Спрятаться. Зарыться лицом в подушку и выть от бессилия и боли, потому что теперь её чувства были не просто наивной глупостью. Они были преступлением против чужого, настоящего счастья.

Сания не помнила, как добралась до женской уборной. Она запирается в кабинке, прильнув лбом к прохладной металлической стенке, и даёт волю слезам. Ридания вырываются тихими, надрывными спазмами – она всё ещё пытается сдерживаться, боясь привлечь внимание.

Но её заметили. Рухия и Дамеля, обеспокоенные её исчезновением после той ужасной пары и странным поведением утром, поспешили следом.

– Сания? Ты здесь? – тихо позвала Рухия, заглянув в уборную.

В ответ они услышали лишь подавленный всхлип. Подруги переглянулись – в их взглядах читалась одна и та же тревога. Дамеля подошла к кабинке и мягко постучала.

– Сань, это мы. Открой. Что случилось?

Сначала последовала тишина, потом щелчок замка. Дверь медленно открылась, и перед ними предстала Сания – с заплаканным, распухшим лицом и пустым, беспомощным взглядом. Она молча смотрела на них, и всё её горе было написано крупными буквами.

– Ой, родная моя... – выдохнула Рухия, без лишних слов обняв её за плечи.

Они увели её в самый дальний угол коридора, усадили на подоконник, заслоня от посторонних глаз. Сания, не в силах больше держать всё в себе, разрыдалась снова, уткнувшись лицом в плечо Рухии. Сквозь ридания она наконец выговорила:

– У него... есть девушка. Я видела её фото... в телефоне... Они выглядят так счастливо...

Дамеля, обычно весёлая и язвительная, смотрела на неё с редкой серьёзностью.

– Мансур? – уточнила она тихо. Сания лишь кивнула, снова закрывая лицо руками.

Рухия нежно гладила её по спине.

– Почему ты нам сразу не сказала? Мы же видели, что ты не в себе.

– Стыдно было... – прошептала Сания. – У меня же есть Азамат... а я... я думала о другом. И всё это оказалось такой глупостью...

– Ничего глупого тут нет, – твёрдо сказала Дамеля. – Чувства – они не по расписанию. Другое дело, что твой объект обожания, выходит, занят. И это, да, полный отстой.

Её прямолинейность, хоть и грубая, заставила Санию слабо улыбнуться сквозь слёзы. В этот момент она почувствовала, что не одна. Груз, который она так долго тащила на себе, теперь разделили на троих.

– Значит, так, – Рухия взяла её за руку. – Сегодня после пар – только мы, мороженое и разбор полётов. Никаких тебя одних. Всё выговоришь. Ага?

Сания кивнула, с облегчением вытирая слёзы. Боль никуда не делась, но теперь у неё был тыл. И это значило гораздо больше, чем она могла подумать.

Последние пары Сания отсидела как в тумане, но теперь её рука была прочно зажата в руке Рухии, а с другой стороны её обнимала за плечи Дамеля. Они были её живым щитом. Когда прозвенел звонок, они без лишних слов собрали её вещи и повели к выходу, обходя главные пути, где могла стоять компания Диаса.

– Ничего, ничего, – бормотала Дамеля, – сейчас доедем до того кафе с мороженым, и всё будет тип-топ.

Но Сания молчала. Ей не хотелось ни мороженого, ни разборов полётов. Ей хотелось тишины и одиночества, чтобы переварить всю боль. Она уговорила подруг просто проводить её до автобуса.

Они просидели с ней на остановке до самого прихода её маршрута, болтая о чём-то постороннем, пытаясь отвлечь. Когда автобус подошёл, Сания обняла их и села в салон, чувствуя себя опустошённой, но благодарной.

Каково же было её удивление, когда на следующей остановке в автобус шумно ввалились Диас, Камиль и Мансур. Увидев её одну, они оживлённо помахали и направились к ней.

– Сания! А мы думали, ты уже дома! – крикнул Камиль.

Диас, заметив её красные, заплаканные глаза, сразу всё понял. Его улыбка потухла. Мансур, напротив, казался спокойным и ничего не подозревающим.

– Место свободно? – вежливо спросил Диас, указывая на сиденье рядом.

Сания молча кивнула, отодвинувшись к окну. Её сердце бешено заколотилось. Было невыносимо больно смотреть на Мансура, зная, что он принадлежит другой, и видя его абсолютную, убийственную нормальность.

Вся дорога домой прошла в её молчании и их шумных разговорах. Это была самая долгая и мучительная поездка в её жизни.

Когда автобус подошёл к её остановке, Сания вскочила с места, пробормотав торопливое «пока», и выбежала на улицу. Она понимала, что не сможет так продолжать. Что-то нужно было менять. Ради её же собственного спокойствия.

Оставшийся день для Мансура прошёл под знаком лёгкой, почти неосознанной тревоги.

После ухода Сании в автобусе на него накатила волна странной пустоты. Он ловил себя на том, что постоянно прокручивает в голове их недолгие разговоры, пытаясь найти момент, где мог совершить ошибку.

На следующих парах его мысли периодически возвращались к Сании. Он вспоминал, как она старательно делала вид, что не замечает его в автобусе, и в его сердце закрадывалось странное чувство – нечто среднее между виной и растерянностью.

Во время обеда Мансур был более молчалив, чем обычно. Он отмалчивался, пока Камиль и Диас обсуждали последние новости, и всё чаще ловил на себе понимающий взгляд Диаса. Казалось, тот что-то знает, но не говорит.

По дороге домой Мансур впервые за долгое время почувствовал тяжесть в груди. Он смотрел в окно автобуса и думал о Лейле. О её спокойной улыбке, о её верности. Но почему-то именно сейчас её образ казался таким далёким, а образ Сании – таким ярким и близким?

Вечером, оставшись наедине с собой, Мансур попытался заглушить внутренний диссонанс тренировкой. Но даже физическая усталость не могла заглушить голос совести, который нашептывал ему о том, что он, сам того не желая, стал причиной чьей-то боли.

Его чувства к Лейле оставались неизменными, но где-то в глубине души зародился крошечный росток сомнения. Сомнения не в своих чувствах, а в правильности своего поведения. Мансур не мог этому ростку прорасти, но его спокойствие было нарушено, а день закончился не привычной усталостью, а тягостным размышлением о том, как сложны бывают человеческие отношения.

Дверь квартиры закрылась за Санией, отсекая шум улицы и оставляя её наедине с оглушительной тишиной. Она скинула куртку и рюкзак, не включая свет в прихожей, и прошла в свою комнату, движимая одной лишь потребностью остаться одной.

Комната была погружена в сумерки. Последние лучи солнца умирали за горизонтом, окрашивая стены в серо-синие тона. Сания села на край кровати, и сначала слёз не было. Была лишь тяжёлая, каменная пустота внутри.

И тогда это случилось.

Первая слеза скатилась по щеке горячей и солёной, оставив после себя мокрый след. Потом вторая, третья. А вскоре их уже невозможно было сдерживать. Она лёгла лицом в подушку, и её тело содрогнулось от беззвучных, горьких рыданий. Она плакала не просто из-за мальчика, который ей нравился. Она плакала от стыда перед Азаматом. От жалости к самой себе, оказавшейся в такой глупой и унижительной ситуации. От краха тех сладких, трепетных ощущений, которые согревали её последние дни и которые теперь оказались ядовитыми.

Она вспоминала каждый взгляд, каждую случайную улыбку Мансура, и теперь они виделись ей не как знаки внимания, а как её собственные глупые фантазии, её наивные домыслы. «Он просто был вежлив, а ты уже придумала целую историю», – шептал ей внутренний голос, и от этого становилось ещё больнее.

В какой-то момент рыдания стихли, сменившись тихими, безнадёжными всхлипываниями. Она лежала в темноте, и потолок над ней плыл в слезах. На тумбочке зазвонил телефон. На экране светилось имя «Азамат». Сания смотрела на него, как заворожённая. Звонок прервался, потом раздался снова. Она не могла ответить. Не могла слышать его спокойный, любящий голос, зная, что всего несколько часов назад её мысли были полностью о другом.

Она отвернулась к стене, сжавшись в комок. Этот вечер стал точкой, дном, в которое она рухнула. Всё смешалось: долг и чувство, реальность и иллюзия. И сквозь всю эту боль проступал один-единственный, самый горький вопрос: как теперь жить дальше, с этим разбитым сердцем и грузом двойной вины?

4

Это была та самая пытка, которую Сания сама себе уготовила. Невыспавшаяся, с тяжёлой головой и ещё более тяжёлым сердцем, она втиснулась в утренний автобус, где её уже ждала «компания». Диас, Мансур и Камиль шумно занимали свои места. Она машинально устроилась рядом с Диасом у окна, пытаясь раствориться в предрассветной мгле за стеклом.

Первые минуты всё было как обычно. Камиль что-то громко рассказывал, Диас смеялся. Сания закрыла глаза, пытаясь хоть на минуту отключиться. И вот тогда, сквозь дрему, до неё стали доноситься обрывки шёпота. Сначала неразборчивого, а потом... чёткого и колкого.

– ...да она же с ним постоянно крутится, – это был голос кого-то из однокурсников, сидевших сзади. – Азамат вроде парень нормальный, а она...

– А Диас-то что? – прошипел другой голос. – Подругу своего друга отбивает? Непорядок.

Сания застыла. Ледяная волна прошла по всему телу. Она не дышала, стараясь уловить каждое слово.

– Я вчера видел, как они вместе из колледжа уходили, а Азамат её потом искал... Выглядело всё очень подозрительно.

– Ну, знаешь ли, где Диас, там теперь и она. Неспроста это. Наверняка уже что-то есть.

Каждое слово впивалось в спину острыми лезвиями. Она чувствовала, как горит лицо. Ей хотелось обернуться и закричать: «Вы ничего не понимаете! Всё не так!». Но сил не было. Только жгучий стыд и ощущение полной, абсолютной несправедливости. Они не знали о Мансуре. Они видели лишь то, что было на поверхности – её попытки держаться ближе к Диасу как к спасательному кругу в этом море смятения.

Она украдкой взглянула на Диаса. Он, уловив её взгляд, улыбнулся. Он ничего не слышал. И эта его невинность делала ситуацию ещё больнее. Она была одна в этой камере пыток из шёпота и сплетен.

Когда автобус подъехал к колледжу, она выскочила одной из первых, не дожидаясь никого. Ей нужно было бежать. Прятаться. Плакать. Потому что теперь её боль усугубилась ещё и грязным пятном сплетни, которую она была не в силах опровергнуть.

Утренние пары прошли в тумане. Сания сидела на уроках, но слова преподавателей долегли до неё как отдалённый шум. Каждое движение за спиной, каждый шёпот однокурсников

заставлял её вздрагивать. Ей казалось, что все только и делают, что перешёптываются, глядя на неё. Она ловила на себе взгляды, а иногда и осуждающие взгляды. Сплетня, как пожар, разползлась по колледжу.

На перемене она пыталась держаться рядом с Рухией и Дамелей, которые, видя её состояние, окружили её защитным кольцом. Но даже их поддержка не могла полностью оградить от реальности. Когда она проходила мимо группы студентов, разговор резко обрывался, и все делали вид, что заняты своими делами. В столовой она поймала на себе прямой, оценивающий взгляд незнакомой девушки с соседнего потока, которая тут же отвернулась и что-то сказала подруге.

После обеда началась пара по самому сложному предмету. Преподаватель неожиданно вызвал её к доске решать задачу. Обычно Саня справлялась бы легко, но сегодня её разум был пуст. Она стояла, чувствуя, как горячее пятно стыда ползёт по шее, а на спину будто приклеились десятки глаз. В аудитории стояла тишина, и ей казалось, что все знают. Знают про Азамата, про её чувства, про сплетни. Слова преподавателя: «Рымбаева, вы сегодня не в форме?» – прозвучали как публичное разоблачение.

Последние пары стали сплошным испытанием на выносливость. Она механически записывала лекции, не вникая в смысл, её единственной целью было дожить до конца дня, не заплакав здесь же, в аудитории. Она чувствовала себя загнанным зверьком, которого все рассматривают в клетке.

Когда наконец прозвенел последний звонок, Саня собрала вещи с неестественной скоростью и первой выскочила из класса. Она не пошла к привычному месту сбора их компании. Она просто шла по коридору, глядя прямо перед собой, не реагируя на оклики. Ей нужно было быть одной. Спрятаться. Переждать этот ураган, который обрушился на неё из-за цепочки её же собственных ошибок и неверных шагов. Этот учебный день стал для неё не про учёбу, а про выживание.

Саня шла, опустив голову, и почти бежала, не глядя по сторонам. Она свернула за угол коридора – и буквально врезалась в кого-то твёрдого и высокого.

– Простите! – вырвалось у неё автоматически, и она подняла глаза.

Перед ней стоял Мансур. Он тоже отшатнулся от неожиданности, и его учебники едва не рассыпались по полу.

– Ничего страшного. – Мансур подобрал папку. – Ты куда так спешишь?

В его глазах не было ни намёка на сплетни или осуждение. Только лёгкое удивление и обычная для него сдержанная доброжелательность. Для него она была просто Саней, подругой Диаса, которая чуть не сбила его с ног.

Этот взгляд стал для Саньи последней каплей. Вся боль, весь стыд и несправедливость сегодняшнего дня нахлынули на неё с новой силой. Её нижняя губа задрожала, и она, не в силах сдержаться, разрыдалась прямо посреди коридора.

– Все... все думают... что я плохая...

Мансур застыл в полном недоумении. Он явно не был готов к такой реакции на простое столкновение.

– Эй... Саня... успокойся. Кто что думает? Что случилось?

Он неловко потянулся к ней, возможно, чтобы положить руку на плечо, но остановился, не решаясь на прикосновение. На его лице читалась растерянность и желание помочь, но полное непонимание причины её слёз.

В этот момент Саня поняла всю сюрреалистичность ситуации. Она плакала из-за него, а он не имел об этом ни малейшего понятия и пытался её утешить, как обычного расстроенного человека. Эта мысль была одновременно и смешной, и ужасно горькой.

Они стояли в тихом дворике, и мир вокруг будто замер. Слёзы Саньи постепенно высыхали, оставляя на лице ощущение стянутости и лёгкий озноб. Но внутри всё горело. Стоя так

близко к Мансуру, чувствуя его спокойную, надёжную поддержку, она ощущала невероятный порыв.

Слова рвались наружу, жгли горло. «Мансур, я... ты не представляешь... всё это из-за тебя. Эти слёзы, этот ужасный день... я думаю только о тебе».

Она смотрела на его руки, крепко державшие папку с учебниками, на его склонённую к ней голову, на выражение простой, искренней озабоченности в его глазах. Это был её шанс. Сказать всё. Сбросить с себя этот невыносимый груз тайны и боли.

Но именно в этот момент её взгляд упал на его телефон, торчащий из кармана рюкзака. И она снова, как наяву, увидела ту самую фотографию – его и Лейлы, счастливых и любящих.

Порыв мгновенно угас, сменившись леденящим душу страхом. Что, если он смутится? Отстранится? Посмотрит на неё с жалостью или, что хуже всего, с неловкостью? Она потеряет даже это – его простую, дружескую поддержку, которая сейчас казалась единственным якорем в бушующем море.

Она опустила глаза, сжимая пальцы в кулаки.

– Всё... всё нормально, – прошептала она, давясь ложью. – Глупости. Просто накопилось. Спасибо, что... что не прошёл мимо.

Она заставила себя поднять на него взгляд и улыбнуться самой фальшивой улыбкой в своей жизни.

– Пойдём лучше. А то Диас, наверное, уже ищет нас.

И она сделала шаг к выходу, похоронив своё признание под грузом молчания. Она выбрала безопасность невысказанного над риском быть непонятой. И этот выбор принёс не облегчение, а новую, ещё более гнетущую тяжесть – осознание того, что её чувства так и останутся её личной тайной, которую она будет носить в себе, как ношу.

Автобус покачивался на поворотах, а Мансур, глядя в запотевшее стекло, мысленно возвращался к только что произошедшему. Рядом шумели Камиль и Диас, но их смех будто доносился сквозь воду.

«Что это вообще было?»

Он прокручивал в голове момент, когда Сания разрыдалась. Такая собранная и спокойная всегда – и вдруг такое отчаяние. Он чувствовал лёгкий укол вины, хотя и не понимал, за что именно. Может, он как-то невольно её задел? Не заметил чего-то?

«И всё-таки... она посмотрела как-то странно».

Он вспомнил её взгляд – не просто расстроенный, а... полный какой-то безмолвной мольбы, обращённой именно к нему. Это было непривычно и немного смущало. Он не был тщеславным, чтобы сразу подумать о симпатии, но что-то точно было не так.

«Надо будет спросить у Диаса. Тихонько».

Он украдкой взглянул на Диаса, который смеялся над шуткой Камилы. Диас – её лучший друг. Наверняка он в курсе, что происходит. Мансур решил при удобном случае осторожно выяснить, не в беде ли Сания. Не лезть в душу, а просто предложить помощь, если она нужна.

«Лейла бы точно знала, что делать».

Мысленно он обратился к своей девушке. Она была мудрее и чутче него в таких вопросах. Ему стало немного не по себе от осознания, что он, возможно, оказался в центре какой-то драмы, о которой ничего не знает. И главное – совершенно не хочет в этом участвовать.

В итоге Мансур отогнал от себя тревожные мысли. Он сделал что мог – поддержал человека в трудную минуту. Всё остальное – не его дело. Он мысленно переключился на предстоящую тренировку, стараясь вернуть себе привычное спокойствие. Но где-то глубоко внутри засела маленькая заноза беспокойства за Санию, которую он не решался вытащить.

Сания сидит на кровати, обняв колени, и снова переживает сегодняшнее столкновение. Она чувствует призрачное тепло на плече, там, где он её поддерживал, и слышит его спокойный голос: «Пойдём, здесь все смотрят». Это воспоминание вызывает странную смесь боли и сладкой щемящей нежности.

Вдруг раздаётся тихий, но настойчивый стук в окно. Она вздрагивает. Подходит и отодвигает занавеску. За стеклом, в темноте, стоит Азамат. Его лицо освещено тусклым светом фонаря, оно серьёзное и усталое.

Он не звонил. Он пришёл. Молча. Как будто знал, что именно в этот момент она больше всего нуждается в нём... или боится его больше всего.

Сания замирает, глядя на него через стекло. Два мира сталкиваются в одно мгновение: мир болезненной, запретной надежды, связанной с Мансуром, и мир суровой, горькой реальности, стоящий за окном в лице Азамата.

Она медленно открывает окно, впуская внутрь прохладный ночной воздух и невысказанные слова, которые повисли между ними тяжёлым грузом.

– Что ты тут делаешь? – прошептала она, вместо приветствия.

Он не ответил, просто перелез через подоконник, оказавшись в её комнате. Он стоял перед ней, чуть запыхавшийся, в растрёпанной куртке. В его глазах горела не злость, а решимость и боль.

– Я не могу так, – его голос был низким и срывался. – Не могу ждать, когда ты соберёшься со словами. Я не могу дышать, пока мы в ссоре.

Он сделал шаг вперёд.

– Я знаю, что ты не права. Знаю, что мне должно быть обидно. Но я тоже был не прав. Давил на тебя. Требовал ответов, когда тебе самой было страшно.

Сания молчала, не в силах вымолвить ни слова. Все её обиды, вся защитная броня, которую она строила эти дни, рассыпалась в прах от его слов.

– Прости меня, – выдохнул он. – И прости себя. Давай просто... начнём всё заново. С чистого листа.

Она не сдержалась и расплакалась. Тихими, облегчёнными слезами. Он не стал её утешать, просто притянул к себе. И это объятие было не страстным, а бережным, как будто он боялся её разбить.

Первая ночь вместе после размолвки была другой. Они не говорили о прошлом. Они просто лежали в обнимку в её узкой кровати, слушая, как бьются их сердца, постепенно находя общий ритм. Это не была ночь страсти. Это была ночь исцеления. Каждое прикосновение было вопросом и ответом одновременно: «Ты ещё здесь?» – «Да, я здесь».

Они заснули под утро, сплетённые конечности, как два потерпевших кораблекрушение, нашедших друг друга в бушующем море. И впервые за долгое время сон Сании был спокойным и безмятежным.

5

Сания проснулась от ощущения тепла и тяжести руки Азамата на своей талии. Первые лучи солнца робко пробивались сквозь шторы, окрашивая комнату в мягкие, пастельные тона. Мир за окном был тихим и безмятежным, но внутри неё всё сжалось в комок, едва она вспомнила вчерашнее.

Азамат потянулся, его дыхание коснулось её шеи, и он, ещё не до конца проснувшись, прошептал губами у её виска:

– Только не уходи от меня...

Сонная ласковость его голоса не смягчила удар. Эти слова, прозвучавшие сейчас, в хрупкой тишине утра, ранили даже больше, чем ночью. Ночью это была мольба. Сейчас – это зву-

чало как утверждение. Как условие. Как будто их всё ещё хрупкий мир был куплен ценой её свободы.

Она застыла, не в силах пошевелиться, притворяясь спящей. Вчерашнее облегчение сменилось тяжёлым, свинцовым чувством. Его слова висели в воздухе, превращая утреннюю нежность в ловушку.

Она осторожно выбралась из-под его руки, словно прикосновение стало обжигать. Подошла к окну и распахнула его,пуская внутрь поток холодного воздуха. Ей нужно было пространство. Нужно было дышать.

Азамат проснулся окончательно и, увидев её у окна, улыбнулся.

– Доброе утро.

Но в ответ увидел не улыбку, а её серьёзное, задумчивое лицо. И его улыбка медленно угасла. Он почувствовал, что хрупкий мир, выстроенный за ночь, дал трещину с первыми лучами солнца. И самое трудное было ещё впереди.

Тем временем часы на тумбочке показывали без пяти девять! Пара начиналась через двадцать минут.

– Ой! – вырвалось у неё паническое восклицание.

Она сорвалась. Азамат, уже проснувшийся, поднялся.

– Спокойно, успеешь, – попытался он её успокоить, но Сания уже металась по комнате, как ураган.

Она натягивала колготки, пытаясь не упасть, одной рукой застегивала блузку, другой сгребала в рюкзак учебники. Азамат, понимая, что слова здесь бессильны, молча помогал: подал забытый на стуле конспект, застегнул сложную застёжку на её рюкзаке.

– Беги, я за тобой, – сказал он, когда она, наконец, была более-менее готова.

Они выскочили из подъезда. Сания помчалась к остановке, а Азамат, не отставая, бежал рядом, держа в руках её забытый завтрак – яблоко и шоколадный батончик.

Увидев подходящий автобус, Сания ускорила. Азамат, сделав последний рывок, успел всунуть ей в руку еду прямо у самых дверей.

– Удачи! Не волнуйся! – крикнул он ей вдогонку.

Сания влетела в автобус, обернулась и через стекло увидела, как он стоит на тротуаре, улыбается и машет ей рукой. В этой простой, бытовой заботе было столько тепла и поддержки, что у неё на мгновение сжалось сердце от благодарности и... лёгкого укола стыда. Он был таким родным и надёжным. И так сильно контрастировал с бурей неясных чувств, которая бушевала у неё внутри.

Автобус тронулся. Она помахала ему в ответ и прижала к груди всё ещё тёплое яблоко. Эта маленькая сцена стала для неё ещё одним кирпичиком в стене осознания, что её сердце разрывается между двумя полюсами: спокойной, верной гаванью и тревожным, манящим океаном.

Сания, ещё не до конца отдышавшись, влетела в главный вход колледжа как раз под залистый третий звонок. В коридоре уже было безлюдно, все разошлись по аудиториям. И тут она увидела их.

Диас, Мансур и Камиль стояли в стороне от дверей их аудитории, явно задержавшись специально. Диас смотрел на часы с преувеличенной тревогой, Камиль что-то оживлённо жестикулировал. А Мансур... Мансур просто стоял, прислонившись к стене, и его взгляд встретился с её взглядом первым.

– Ну наконец-то! – вздохнул с облегчением Диас. – Мы уж думали, тебя похитили инопланетяне. Камиль уже вызывался организовывать поисковый отряд.

– С конём и факелом! – тут же подтвердил Камиль. – Добро пожаловать обратно, к смертным!

Сания, переводя дух, попыталась улыбнуться в ответ на их шутки, но её взгляд снова непроизвольно скользнул к Мансуру. Он молча улыбнулся ей – не широко, а лишь слегка тронув уголки губ, но в его глазах читалось понимание и лёгкая улыбка. Не та смущённая, что была во двореке, а спокойная, одобрительная. Будто он говорил: «Молодец, что успела».

Эта молчаливая поддержка сработала лучше любых слов. Суэта и паника утреннего забега мгновенно улетучились, сменившись странным чувством облегчения. Вся вчерашняя неловкость будто рассеялась.

– Ладно, герои, на пару! – скомандовал Диас, толкая Камиля в сторону аудитории. – А то нас сейчас Гулниса Буркановна на пороге пересчитает.

Сания двинулась за ними, и Мансур, оттолкнувшись от стены, сделал шаг, оказавшись рядом. Они не сказали ни слова, просто шли плечом к плечу в общий класс. И это молчаливое сопровождение значило для неё в тот момент больше, чем все утренние заботы Азамата. Оно было тихим, но таким весомым подтверждением, что в этой новой, сложной жизни у неё есть своё место.

Аудитория по теории государства и права встретила студентов строгой, почти аскетичной обстановкой. За кафедрой стояла женщина с идеально гладкой пучком седых волос и пронзительным взглядом – Фируза Сабитовна. Её голос, ровный и не терпящий возражений, заполнил пространство, не оставляя места для посторонних мыслей.

– Государство, – говорила она, обводя аудиторию взглядом, останавливающимся на каждом студенте на пару секунд, – это не аппарат насилия, как вам, возможно, упрощённо объясняли в школе. Это, прежде всего, сложнейшая система легитимного управления. Легитимного – запомните это слово.

Сания старалась изо всех сил. Она раскрыла конспект, взяла ручку, но буквы расплывались перед глазами. Мысли упрямо возвращались к утренней пробежке, к заботливому взгляду Азамата и к молчаливой улыбке Мансура в коридоре. Она ловила себя на том, что вместо определений «форма правления» и «политический режим» она выводила на полях бессмысленные загогулины.

– Рымбаева.

Фамилия, произнесённое Фирузой Сабитовной, прозвучало как щелчок бича. Сания вздрогнула и подняла глаза. Преподавательница смотрела на неё прямо.

– Проиллюстрируйте, пожалуйста, разницу между легальностью и легитимностью на примере из современной политической практики.

В аудитории повисла звенящая тишина. Сания медленно поднялась. Горло пересохло. Она знала эти определения, она их учила! Но сейчас её мозг был абсолютно пуст. Она видела лишь строгое лицо Фирузы Сабитовны и чувствовала на себе десятки любопытных взглядов однокурсников.

– Легальность... это соответствие закону, – с трудом выжала она из себя. – А легитимность... это...

Она запнулась, чувствуя, как по щекам разливается краска. Сзади кто-то подсказал шёпотом: «...признание народом!»

– Признание народом, – повторила Сания как эхо.

Фируза Сабитовна не сводила с неё холодного взгляда.

– Пример, Рымбаева. Без примера определение – просто звук.

Пример... Какая-нибудь страна, революция... В голове была пустота. Она беспомощно опустила плечи.

– Садитесь, – раздался безразличный голос преподавательницы. – Гражданка Исмаилова, продолжите.

Сания рухнула на стул, сжимая дрожащие руки под партой. Позор и досада горели внутри. Сегодняшний день, начавшийся с бегства, окончательно пошёл под откос. И виной

тому были не сложные предметы, а её собственные разбегающиеся мысли, которые она не могла собрать воедино.

Камиль уже заходил в столовую, а Мансур слегка потянул Диаса за рукав.

– Диас, можно на секунду?

Диас остановился, вопросительно взглянув на него. Они отошли в сторону, к стене, подальше от основного потока студентов.

– Слушай, насчёт Сании, – тихо начал Мансур, выбирая слова. – Она в порядке? Вчера после пар она... совсем не такая была.

Диас вздохнул. Он понял, о чём речь.

– Знаю. Видел. С ней не всё гладко.

– Я просто... я не хотел бы быть причиной проблем, – Мансур посмотрел на Диаса прямо. – Если я что-то не так сказал или сделал... скажи. Я извинюсь.

Диас покачал головой, его лицо стало серьёзным.

– Тут не в тебе дело, брат. Вернее, не совсем в тебе. – Он сделал паузу, колеблясь, стоит ли раскрывать чужую тайну. – Просто... у неё сейчас сложный период. Личный. И твоё присутствие, возможно, немного... осложняет всё.

Мансур внимательно слушал, и в его глазах медленно вспыхивало понимание. Тот самый странный взгляд Сании, её слёзы – всё это складывалось в единую картину.

– Понятно, – коротко кивнул он. Больше он не стал ничего спрашивать. Ему было достаточно намёка. – Спасибо, что сказал. Я буду... держать дистанцию. Чтобы не нервировать.

Диас хлопнул его по плечу с благодарностью.

– Вы оба мои друзья. Я не хочу, чтобы кому-то из вас было плохо.

Разговор был исчерпан. Они молча направились к столовой. Мансур теперь знал всё, что ему было нужно знать. И его следующей мыслью было чёткое, ясное решение: быть рядом с Санией только как тихий и незаметный друг. Ради её же спокойствия.

Столовая гудела десятками голосов, звоном посуды и ароматом горячей пищи. Камиль с аппетитом уплетал плов, что-то громко рассказывая, с набитым ртом. Диас кивал, периодически вставляя замечания. Но Мансур сидел молча, отодвинув от себя нетронутую тарелку с макаронами.

Он смотрел в стол, но не видел его. Перед его внутренним взором стояло другое лицо – Сании, растерянное и покрасневшее от стыда на паре у Фирузы Сабитовны. Он видел, как её губы дрожали, когда она не могла найти ответ. И этот образ вызывал в нём странное, непривычное чувство – острое желание помочь, защитить, которое шло гораздо глубже обычной вежливости.

Его мысли текли примерно так:

«Почему она так смотрела? Как будто мир рушится из-за одной неудачи. Это же всего лишь пара...»

Но он понимал, что дело не в паре. Дело в том, что обычно собранная и уверенная Сания сегодня была хрупкой, как стекло. И это изменение было как-то связано с ним. Слова Диаса «твое присутствие осложняет всё» теперь обретали жутковатую конкретику.

«Она бежала утром, запыхавшаяся... Может, не выспалась? Из-за чего?»

Он ловил себя на том, что пытается решить её загадку, как сложное уравнение. Это было ново для него. Обычно его мир был простым: учёба, спорт, Лейла. Теперь в этот чёткий мир ворвался элемент хаоса – девушка, чьи слёзы и улыбки почему-то задевали его за живое.

Он взглянул на свою тарелку. Еда казалась ему безвкусной. Аппетит пропал совершенно.

– Мансур, ты чего как в воду опущенный? – хлопнул его по плечу Камиль. – Еда остынет!

Мансур лишь покачал головой и отпил глоток воды. Он не мог объяснить товарищам, что думает о девушке, которая явно испытывает к нему чувства, которые он не может разделить. Это было бы предательством и по отношению к Сании, и к Лейле.

Он сидел среди шумной компании, но был абсолютно одинок в своём размышлении. Его мир, ещё вчера такой простой и понятный, дал трещину. И через эту трещину в него вошла тихая, настойчивая забота о Сании, с которой он не знал, что делать.

Сания, отодвинув свою тарелку, с грустью смотрела в стол, пытаясь собраться с мыслями после провала на паре. Она чувствовала себя растерянной и одинокой в шумной столовой.

Она невольно подняла глаза, и её взгляд, будто наведённый невидимым лучом, встретился с взглядом Мансура.

Он сидел за соседним столом со своей компанией, но был так же отстранён от общего веселья, как и она. Он не ел, просто смотрел в её сторону, и в его глазах не было ни любопытства, ни насмешки. В них читалась тихое, глубокое понимание. Он видел её стыд, её смущение, и он не осуждал. В его взгляде было простое, безмолвное сочувствие.

Это длилось всего секунду. Две. Но для Сании время остановилось. В этом молчаливом контакте не было страсти или намёка. Было лишь чистое, безоценочное признание её боли. Кто-то увидел её настоящую, без защитных масок, и не отвернулся.

Она первая отвела глаза, опустив взгляд в тарелку, чувствуя, как по щекам разливается горячая краска. Но на этот раз это был не стыд, а что-то другое. Облегчение? Признание?

Этот краткий миг дал ей больше, чем любые слова утешения. Он напомнил ей, что она не одна в своей борьбе. И в тишине между ними родилось новое, хрупкое понимание, которое не требовало слов.

После обеда, когда все потянулись на пару, Мансур сделал вид, что свернул в сторону аудитории, но на самом деле прошёл мимо. Он вышел через боковой выход в пустой двор колледжа.

Ему нужно было побыть одному. Мысли о Сании, её растерянный взгляд, её слёзы – всё это смешалось внутри в тугую, беспокойный клубок. Он шёл по асфальтовым дорожкам, заложив руки в карманы куртки, но внутреннее напряжение не отпускало.

Он пытался думать о Лейле. Вспоминал её смех, её письма. Но образ Сании – хрупкой и одновременно такой сильной в своём смятении – настойчиво вставал перед ним. Он чувствовал ответственность. Не вину, а именно ответственность. Ему казалось несправедливым просто отстраниться, как советовал внутренний голос.

«Что я должен делать? – вопрос звучал в нём снова и снова. – Подойти? Спросить? Но что я скажу? «Извини, что нравлюсь тебе?»»

Он понимал абсурдность ситуации. Любая попытка поговорить могла быть воспринята как поощрение. А любое отдаление – как жестокость.

Мансур остановился у старого дуба на краю территории колледжа. Он сжал кулаки в карманах. Ему всегда нравилась ясность: правильные поступки, чёткие границы. А сейчас он оказался в ситуации, где не было правильного ответа.

Он так и не нашёл решения. Но тишина и одиночество немного приглушили внутренний шторм. Он понял только одно: ему нужно быть осторожнее. Не для того, чтобы защитить себя, а для того, чтобы случайно не сделать ещё больше ей. С этим осознанием он развернулся и медленно пошёл обратно к колледжу, чувствуя тяжесть, которую раньше не знал.

День подходил к концу. Сания, всё ещё находящаяся под впечатлением от сегодняшних событий, решила срезать путь и пошла через тихий переулок, примыкавший к их остановке.

Она углубилась в узкий проход между гаражами, как вдруг из-за угла вышли три девушки. Сания узнала в них студенток из параллельной группы – тех, что постоянно крутились вокруг Диаса и смотрели на неё с неприкрытой завистью.

– О, смотрите кто, – одна из них, высокая блондинка, блокировала путь. – Сания в гордом одиночестве. А где твой телохранитель, Диас?

– Отстаньте, – буркнула Сания, пытаясь обойти их. Но вторая девушка, коренастая и сердитая, грубо толкнула её плечом в стену гаража.

– Ты что, думаешь, он с тобой дружит, потому что ты такая особенная? – прошипела она. – Не зазнавайся. Или мы тебя проучим.

Сания почувствовала прилив адреналина и страха. Она попыталась вырваться, но её держали. Первый толчок был жёстким, и она ударилась спиной о кирпич.

И тут из-за поворота, как будто появившись из ниоткуда, возникла высокая тень. Это был Мансур. Он, видимо, заметил, что Сания пошла одна, и решил проверить.

– Отойдите от неё, – его голос прозвучал негромко, но с такой твердостью, что девушки замерли. Он не кричал. Он просто подошёл вплотную, и его молчаливая, сосредоточенная ярость была страшнее любых угроз.

– Тебе какое дело? – попыталась огрызнуться блондинка, но в её голосе уже слышалась неуверенность.

– Я сказал, отойдите, – повторил Мансур, и его взгляд стал ледяным. – Сейчас.

Девушки, перепугавшись, поспешно ретировались, бросив пару невнятных оскорблений на прощание.

Сания, всё ещё прислонившись к стене, дрожала. Мансур повернулся к ней. Вся его суровость мгновенно улетучилась, сменившись тревогой.

– В порядке? – он осторожно коснулся её плеча. – Они тебя не ударили?

Сания могла только молча покачать головой, глотая слёзы облегчения. В этот момент, глядя на его лицо, озарённое заходящим солнцем, она поняла, что всё – все её сомнения, вся боль – это просто то, что она чувствовала к нему сейчас. Это была не просто симпатия. Это было что-то гораздо большее. И его молчаливая, решительная защита значила для неё больше тысячи слов.

Автобус, наполненный вечерней усталостью, казался на этот раз тихим и почти безлюдным. Сания сидела у окна, прижимая к груди ранец. Рядом с ней, отгородив её от всего мира широким плечом, сидел Мансур. Диас и Камиль устроились напротив, но их обычная болтовня стихла. Все были под впечатлением от только что произошедшего.

Камиль первым нарушил тишину, пытаясь сбросить напряжение:

– Ну и денёк! Сания, ты наша героиня! Настоящий боец!

Но шутка прозвучала неуверенно. Диас молча смотрел в окно, его лицо было хмурым. Он винил себя – именно его популярность стала причиной нападения на Санию.

Сания не отвечала. Она смотрела на мелькающие за стеклом огни, но видела не их, а суровое лицо Мансура, появившееся в переулке. Она чувствовала тепло его плеча, касавшегося её плеча, и это прикосновение было единственным, что не давало ей снова расплакаться – теперь уже от переизбытка чувств.

Мансур тоже молчал. Он сидел неподвижно, глядя перед собой, но каждый его мускул был напряжён. Он мысленно снова и снова возвращался к той секунде, когда увидел, как её прижимают к стене. Гнев, который он тогда ощутил, был новым и пугающим по своей силе. Он не просто защищал подругу друга. Он защищал её. И это осознание заставляло его сердце биться чаще.

Когда автобус подъехал к её остановке, Мансур поднялся вместе с ней.

– Я тебя провожу, – сказал он просто, не оставляя возражений.

Они вышли. Диас и Камиль молча помахали им из окна, понимая, что сейчас им нужно побыть одним.

Шли они молча, но это молчание было уже другим – не неловким, а полным понимания. У подъезда Саня остановилась.

– Спасибо тебе, – прошептала она, глядя ему в глаза. – Если бы не ты...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.